

Ю.М. Гончаров

Материальное положение чиновничества Сибири во второй половине XIX – начале XX в.*

Провинциальному чиновничеству Российской империи уделено немало внимания в трудах отечественных и зарубежных историков [1–6]. Тем не менее достаточно широкий круг проблем истории местного чиновничества остается слабо разработанным. Как отмечала Н.П. Матханова, «... все еще остается недостаточно изученным такой аспект темы, как расхождение официального, определенного законом и служебными инструкциями статуса, прав и обязанностей, размеров жалования, места в служебной иерархии русского провинциального чиновничества и его реального положения, круга деятельности и финансовой обеспеченности» [7, с. 13].

Высший слой сибирских гражданских чиновников формировался в основном за счет военных – офицеров и генералов. Остальная же часть местной бюрократии была пестрой по происхождению, образовательному уровню, материальному положению. В середине XIX в. 37% сибирских чиновников были дворянами, 33% происходили из военного сословия, 15% из духовенства и 15% – из других сословий [8].

Законодательство регламентировало все сферы жизни провинциальной бюрократии, в частности, закон определял размеры жалования, полагающиеся чиновнику в зависимости от его чина, занимаемой должности и места службы. Зарплаты большинства чиновников и служащих были незначительными. Распределение чиновников и военных Тобольска по размеру получаемого содержания в 1850-х гг. приведено в таблице 1.

Таблица 1
Распределение чиновников Тобольска середины XIX в. по уровню доходов

Размер жалования, руб.	Количество, чел.	
	абс.	%
От 1500 и более	5	0,2
От 300 до 1500	105	4,3
От 100 до 300	249	10,3
Менее 100	2059	85,2

Источник: АРГО. Разряд 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 35.

По данным Б.Н. Миронова, в 1857 г. 118,1 тыс. чиновников Российской империи подразделялись по классным чинам на 4 группы: канцеляристы (27,2% всех чиновников), чиновники IX–XIV классов (59,6%), III–V классов (12,5%), I–IV классов (0,7%). По получаемому ими жалованию без наградных, столовых и квартирных они соотносились как 100:300:700:4300 (соотношение выражено в средних размерах годового жалования для каждой категории в рублях) [9, с. 93].

Большинство чиновников, имея очень низкие заработки, едва сводило концы с концами. Об этом говорят многие современники. Политический ссыльный М.И. Михайлов, прибывший в Тобольск в 1861 г., писал, что его поразило убожество приказной канцелярии и жалкий вид канцелярских чиновников: «На них были костюмы, какие можно встретить разве в казарме, где помещаются ссыльные из беднейших слоев общества: продранные сапоги и валенки, покрытые заплатками штаны, замасленные сюртуки с оборванными пуговицами и продранными локтями, какие-то онучки на шее вместо галстука, странного покроя (и тоже в дырах) одежды – не то восточные халаты, не то пальто, обличающее под широкими рукавами отсутствие хоть какой-нибудь рубашки... Я теперь сомневаюсь, – писал М.И. Михайлов, – чтобы и каторжный согласился обменяться своим местом, платьем и делом с кем-либо из канцелярских чиновников Тобольского приказа о ссыльных» [10, с. 349].

Вот как картину бедственного положения мелкого чиновничества сибирского города рисует другой современник: «Возьмем простого канцеляриста, – ступень, с которой начинает свой бюрократический карьер огромное большинство провинциального чиновничества. С 8 часов утра до 5 пополудни – сидит человек, часто не разгибая спины. Постоянно согнутое положение грудного ящика и спертый казарменный воздух, которым дышит, плотно примкнув друг к другу, пищащая братия, препятствует нормальному развитию легких и способствует зарождению чахотки. Скучная плата за неустанные труды не обеспечивает ни кус-

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант №01-01-00067А

ка хлеба, ни теплого угла и одежды, ни даже пары крепких сапогов и калош. При угнетенном и забитом положении человека, не видящего впереди ничего кроме безотрадного, ничего не обещающего скрипа пера, при недостатке воли и нравственной незрелости, легко развиваются дурные наклонности и преимущественно пьянство, которым так отличается сословие служащих» [11, с. 328–329].

Нищета мелких чиновников была особенно заметна в Сибири, где общий уровень жизни был довольно высоким, что отмечали многие современники. Так, Ю.А. Гагемейстер в середине XIX в. писал: «Ныне у всякого достаточного водятся: самовар, каменная посуда, ножи, вилки, салфетки; на ногах привозные сапоги, суконный халат и на женщинах шелковое платье» [12, с. 573]. И. Завалишин отметил: «Сибирь – край сытый, тепло обутый и одетый, удобно обустроенный; сибиряки имеют много сходства с северо-американцами, – народ неугомонно деятельный, трудолюбивый» [13, с. 79].

Необходимо отметить, что сибирские чиновники имели целый ряд привилегий по сравнению со своими коллегами из европейской части страны. Всем классным чиновникам при определении на службу в Сибирь выдавались денежные пособия в размере годового оклада жалованья, выплачивались также двойные прогоны до места назначения. За каждые 5 лет службы в Сибири полагались прибавочные оклады – 1/4 оклада, до тех пор, пока сумма прибавки не сравняется с суммой штатного оклада жалованья. Были и другие льготы, например, сокращение срока выслуги ордена Св. Владимира 4 степени, три года сибирской службы считались за четыре при выслуге пен-

сии, устанавливался больший размер самой пенсии, увеличивались сроки оплачиваемых и неоплачиваемых отпусков, предоставлялись казенные пособия для обучения детей, вдвое уменьшались сроки выслуги первого XIV классного чина и другие мелкие льготы [14, с. 84]. Однако эти льготы незначительно улучшали бедственное положение основной массы мелких чиновников и канцеляристов.

Положение гражданских чиновников и офицеров было сходным. Для большинства офицеров жалование составляло единственный источник средств существования. Следует также иметь в виду, что военнослужащим воспрещалось заниматься частнопредпринимательской деятельностью [15, с. 87]. Армейский офицер в Сибири в середине XIX в. получал в среднем 250 руб. в год, кроме того, квартирные и фуражные, деньги на отопление и освещение, имел денщика, а по окончании службы – право на пенсию. Значительно скромнее жили казацкие офицеры, которые получали всего 72 руб. в год [16, с. 134].

В 1856 г. на одного служащего приходилось: по министерству внутренних дел – 240 руб., по министерству юстиции – 155 руб. в год. Вопрос о материальном положении государственных служащих постоянно беспокоил правительство и, несмотря на финансовые затруднения, в продолжение царствования Александра II в 1860–1870-х гг. оклады чиновников были постепенно увеличены в 1,5–2 и более раз [17, с. 121]. В таблице 2 представлены размеры разных видов денежного жалованья, получаемого чиновниками Омска в конце XIX в.

В начале XX в. жалование жандармского офицера доходило до 3 тыс. руб. в год, ниже-

Таблица 2

Доходы чиновников Омска в конце XIX в., руб.

Должность	Классный чин	Жалование	Столовые и квартирные	На разъезды
Управляющий канцелярией	V	3000	2500	–
Старший делопроизводитель	VI	1500	1000	–
Полицмейстер	VII	1200	600	500
Младший делопроизводитель	VII	900	600	–
Городовой врач	VII	667	333	–
Помощник полицмейстера	VIII	800	400	–
Переводчик с киргизского языка	VIII	800	400	–
Полицейский пристав	IX	533	267	240
Журналист	X	600	200	–
Секретарь	X	533	267	–
Столначальник	XII	333	167	–
Околоточный надзиратель	XIV	280	140	–
Фельдшер	нет	160	80	–

Источник: АРГО. Разряд 66. Оп. 1. Д. 9. Л. 283–286.

го чина полиции – до 400 руб. Доходы губернаторов в это время составляли 10–12 тыс. руб. в год [18]. В Тюмени в 1903–1906 гг. городской пристав получал 1470 руб. в год, из них: жалованья – 300 руб., столовых – 300 руб., квартирных – 240 руб., канцелярских – 300 руб. и разъездных – 330 руб. Содержание околоточного надзирателя составляло 445 руб. в год (400 руб. жалованья и 45 руб. квартирных). Старший городской получал 300 руб., младший – 240 руб., городским также ежегодно выплачивалось по 25 руб. на обмундирование [19, с. 413, 441].

Из всех чиновников Российской империи только 20% получали в начале XX в. более 1000 руб. денежного содержания [20, с. 127]. В.М. Флоринский писал в своих воспоминаниях: «... приниженное положение чиновничества [в Томске] объясняется, по моему мнению, его малочисленностью и ограниченностью средств. Большинство их получает содержание не свыше 1000 руб. в год, нередко при большой семье. Вице-губернатор получает всего 2 тыс. руб., а губернатор, кажется, 4000 руб., советники по 800 руб. При таких ограниченных средствах честный человек забивается в конуру, ездит по городу в телеге, одевается чуть не в овчинный тулуп, а человек с податливой совестью невольно дружит с купечеством, лебезит и заискивает перед ним» [21, №5, с. 287].

Незначительный размер жалования приводил к различным злоупотреблениям. Существовали дополнительные выплаты чиновникам из средств откупа, сборы с населения для увеличения нищенских окладов рядовых канцелярских служащих и чиновников среднего звена, получавших не обеспечивающее средств к жизни жалование [7, с. 14]. Повсеместно было распространено взяточничество, что тоже необходимо учитывать при исследовании материального положения чиновничества, независимо от того, были ли взятки «способом увеличения своего состояния» или средством к существованию, «своеобразными милостынями и подачками местного населения» [3, с. 22].

В целом точно определить доходы городских жителей, выделить группы по уровню доходов и их соотношение представляется сложной задачей ввиду отсутствия систематических данных. Как писал современник, «годовой доход иркутских жителей различных заведений и занятий, конечно, невозможно определить даже приблизительно. Есть люди, получающие до 50 тыс., и есть такие, которые не зарабатывают до 50 руб.» [22, с. 101].

Нищенское пособие, выплачиваемое отставным чиновникам, заставляло их искать место

жительства с низкой стоимостью жизни. Современники указывали, что дешевизна Омска в больших количествах привлекала сюда отставных чиновников: «Кроме служащих чиновников, здесь, ради дешевизны жизни, ютятся очень много отставных чиновников, коротающих кое-как свой век на скудные средства казенной пенсии» [23, с. 115]. Однодневная перепись населения г. Омска 1877 г. подразделяла население по источникам средств к существованию. К «живущим нематериальным трудом» в материалах переписи были отнесены: духовенство, военные, чиновники, учителя, медики, писцы, певчие, актеры, музыканты, художники и т.п. Данная категория насчитывала 4683 чел., в том числе 4609 муж. и 74 жен., что составляло 47% самодеятельного населения. Очень высокий процент данной группы (в Петербурге она составляла всего 22,1%) объясняется спецификой состава населения Омска – крупного военного и административного центра. Военных в данной группе было подавляющее большинство – 3778 чел. (80,7%), чиновников насчитывалось 543 чел. (11,6%) [24, с. 3].

Из всего самостоятельного мужского населения Омска получали содержание от казны 4833 чел., а 4687 чел. жили на средства из других источников. Подобное соотношение опять-таки обуславливалось большим числом военных и чиновников в составе населения города. Если же не учитывать нижних чинов в армии, то на каждые 100 чел., получавших средства от казны, приходилось 392 «пропитываемых промыслами и личной услугой» [24, с. 36–37].

Однодневная перепись населения Тобольска 1882 г. исследовала экономическую деятельность населения по сословным группам. Среди дворянства (потомственного и личного) большинство занимались «нематериальным трудом», т.е. состояли на государственной службе – 382 чел. (357 муж. и 25 жен.), или 45,7% от всех экономически самостоятельных дворян. 181 чел. (61 муж. и 120 жен.), или 21,7% являлись пенсионерами. Среди дворянства на 835 чел. «пропитываемых» (553 муж. и 282 жен.) приходилось 1537 «пропитываемых» (505 муж. и 1032 жен.), или на 100 чел. зарабатывающих – 184,1 иждивенца [25, с. 397].

Крайне тяжелым было положение вдов чиновников и офицеров. Пенсии получали немногие, а размеры пенсий были мизерными. По данным переписи 1877 г., в Омске среди женщин старше 50 лет (1081 чел.) только 11% получали пенсию или имели капитал, осталь-

ные «живут призрением общественным и частным» [24, с. 15].

Недостаточные размеры жалования и пенсии вынуждали многих прибегать к дополнительным заработкам. Заработок от сдачи жилья внаем был широко распространенным видом дополнительного дохода. В Тобольске в 1848 г. из 1915 домовладельцев сдавали жилье внаем 295 чел. (15,4%), в том числе: 19 чиновников, 14 купцов, 143 мещанина, 94 крестьянина, 25 поселенцев, при этом средний доход домовладельца составлял 24 руб. в год (у чиновников – 86,5 руб., купцов – 97 руб., мещан – 19,23 руб., крестьян – 12,73 руб., поселенцев – 6,28 руб.). Современник отмечал, что «в Тобольске цена квартир так низка, что за расходами на ремонт и на отправление общественных повинностей остается самый ничтожный процент» [26, л. 34–34 об.]. Через 30 лет ситуация в городе не изменилась: «Коренные обыватели города, мещане живут очень бедно, перебиваясь мелкой торговлей и доходами с квартир, которые хотя и дешевы, но поистине ужасны.. В нижней части города... обитает бедность – рабочие и мелкие чиновники. Дома стоят на болоте, и в это-то болото в редком доме не вырыто еще двухаршинной ямы для дешевой квартиры, от полтинника до 3-х рублей в месяц. Стены внутри погребов-квартир, где нередко обитают большие семейства, постоянно зелены от плесени, пол весной покрывается водой и во все лето не просыхает; сырость. Насекомые всевозможных родов!» [27, с. 38].

В городах, где проходили большие ярмарки, например, в Ирбите, в Тюмени, значительный приработок получали от сдачи жилья торговцам на время ярмарки: «Во время ярмарки всякий местный житель, купец ли или мещанин, чиновник или солдат, стеснял себя со своим семейством, в полном смысле слова – в уголок, а лучшую часть своего жилья уступал за высокую плату приезжему на ярмарку купечеству с бесчисленными его приказчиками. Плата за время ярмарки составляла годовой доход домовладельца, чиновники этим способом оплачивали нанимаемые ими в год квартиры» [28, с. 11].

Особенно низкими оклады были у учителей (формально они также являлись чиновниками). П.А. Зайончковский отмечал, что в 1850-х гг. старшие учителя гимназии получали в основном 393 руб. жалования в год, т.е. 32 руб. 50 коп. в месяц [1, с. 78]. Если даже предположить, что они имели казенные квартиры, то уровень их жизни был крайне низок. В силу этого для учителей, служивших в различных учеб-

ных заведениях, распространенным приработком были частные уроки. «В числе учителей, служащих при гимназии, уездном училище, считается до 15 чел., которые в свободные часы преподают в частных домах и получают с каждого ученика от 5 до 10 руб. серебром в месяц», – писал корреспондент ИРГО о тобольских учителях середины XIX в. [26, л. 36].

Таблица 3
Семейные доходы горожан Тобольска
в середине XIX в.

Разряд	Размер дохода на семью	Число семей	
		абс.	%
Первый	От 1500 руб. в год и выше	26	1,1
Второй	От 300 до 1500 руб.	141	6,2
Третий	От 100 до 300 руб.	1377	60,2
Четвертый	Менее 100 руб.	744	32,5

Источник: АРГО. Разряд 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 47об.

В начале XX в. в городах Сибири появляются новые профессиональные группы. В частности, в Томске после открытия университета формируется профессура. В отличие от преподавателей университетов Европейской России профессора Томского университета пользовались льготами, которые устанавливались «Положением о заработной плате и льготах в Сибири» и получали полуторное содержание. Ординарный профессор получал 4500 руб. в год (2400 – жалование, 1050 – столовых, 1050 – квартирных), экстраординарный – 3000 руб. (1600 – жалование, по 700 – столовых и квартирных). Профессора, занимавшие должности по университетскому управлению, имели доплату к основному содержанию: ректор – 1500 руб., проректор – 1200, декан факультета – 600 руб. К основному содержанию по истечении 5 и 10 лет службы полагались прибавки в размере 20 и 40%. Помимо основного содержания профессора получали гонорар со сбора за лекции со студентов, который в среднем составлял до 1000 руб. в год. У томской профессуры были возможности приработка преподаванием в гимназиях и училищах, частной медицинской и юридической практикой [29, с. 15–16]. В целом по совокупности доходов университетскую профессуру можно было отнести к верхушке губернской администрации.

Материальное положение других категорий преподавателей заметно отличалось от профессорского. Приват-доцентам Томского университета, занимавшим вторую ступень в профессорско-преподавательской иерархии,

штатного содержания не полагалось. Обычно они получали только доплату за чтение лекций и ведение практических занятий. Еще ниже были доходы вспомогательного персонала – консервантов, лаборантов, хранителей кабинетов и т.д. [29, с. 16].

Жилье было важной статьей расходов для большинства горожан. Жилищные условия значительно различались в разных группах населения. По данным городской переписи Омска 1877 г., среди чиновников, духовенства и почетных граждан в каждой квартире проживало в среднем 5,2 чел., при этом на одну комнату приходилось 0,9 обитателей. Среди мещанства и казаков на одну квартиру приходилось 7,2 чел., в среднем в одной комнате жило 2,8 чел. Крестьяне, запасные нижние чины с семьями, разночинцы, инородцы и ссыльные жили еще более стесненно: в среднем по 7,5 чел. на квартире, 3,1 чел. в комнате. Наиболее обеспеченными жильем были купцы – на одну квартиру приходилось по 3,5 человека, на каждого человека – по 2 комнаты [24, с. 27].

Чиновники на службе, особенно занимавшие достаточно высокие должности, предпочитали снимать квартиры в так называемых доходных домах, поскольку казна оплачивала расходы на содержание жилья служащих, выплачивая «квартирные» деньги. В крупных административных центрах чиновники часто селились компактно. Так, например, в Томске чиновники почтовой конторы, губернского правления, врачи, учителя, инженеры часто выбирали для жительства Дворянскую улицу, где сдавалось много квартир [30, с. 47].

В.М. Флоринский, руководитель строительства Томского университета, в своих мемуарах приводит описание квартиры высокопоставленного томского чиновника (председателя губернского правления): «Мамонтовы живут в каменном нештукатуренном доме, недалеко от новой соборной площади. Это одна из лучших наемных квартир, конечно, по томским понятиям. Здесь имеется крыльцо с улицы, а не черный ход со двора, как обыкновенно. В квартире 5 комнат, размещенных довольно толково. Две из них даже оклеены дешевенькими обоями, остальные выбелены» [21, №4, с. 153]. Автор, сравнивая жилища губернатора и городского головы, отмечает, что купечество жило гораздо лучше: «Губернатору... досталась скромная квартирка в доме купца Чернядева. Красный, неоштукатуренный, двухэтажный дом, внизу лавки, крыльцо со двора; в самой квартире 5 небольших комнат с выбелен-

ными известковой стенами и некрашенными полами. Другое впечатление производит обстановка городского головы Цибульского. Он живет в собственном доме с зазеркаленными окнами. Лестница парадных сеней устлана коврами; в прихожей торчат казачки, прислуга во фраках, дрессированная; внутренность дома также убрана довольно изящно, с штофными драпировками и дорогой мебелью» [21, №4, с. 151].

Резкий рост населения городов, особенно усилившийся со строительством Транссибирской магистрали, вызвал рост цен на квартиры и острую нехватку жилья в развивающихся городах. Начало XX в. в сибирских городах характеризуется строительной горячкой. Наравне с обычными частными жилыми домами быстро росли своеобразные доходные дома. Квартирный кризис начала XX в. задел и такие группы горожан, как мелкие служащие, учащиеся, интеллигенция. Особенно быстро росли цены на небольшие 2–3-комнатные квартиры, отдельные комнаты. По данным городской управы Омска, в 1912 г. квартплата, отопление и освещение составляли в бюджете служащего 40,85%, что превышало средний уровень по крупным городам европейской части России [31].

В целом уровень цен на промышленные товары и услуги в сибирских городах был выше, чем в Европейской России. М.В. Флоринский писал в своих воспоминаниях о тех трудностях, с которыми пришлось ему столкнуться, организовывая свое домашнее хозяйство на новом месте. За две железные кровати он заплатил 35 руб., в то время как в Казани они стоили бы 12–15 руб.; за квартиру в 4 комнаты, которую он снимал у купца А.Ф. Жилль, за три летних месяца было уплачено 150 руб., а годовая ее цена составляла 600 руб.; за приготовление пищи и пару лошадей с экипажем приходилось платить 210 руб. в месяц. В итоге он сделал вывод: «жизнь в Томске далеко не дешева» [21, №4, с. 155]. С ним был согласен и Чехов, писавший: «Квартиры в городах скверные, улицы грязные, в лавках все дорого, не свежо и скудно, и многого, к чему привык европеец, не найдешь ни за какие деньги» [32, с. 32].

Чтобы показать уровень жизни чиновничества, недостаточно, естественно, привести данные об окладах содержания, важно исследовать и бюджеты. В нашем распоряжении имеются семейные бюджеты горожан Тобольска середины XIX в., которые содержатся в «Статистическом описании губернского города Тобольска», составленном бароном И. фон

Шеллингом для Русского географического общества [26]. Шеллинг разделил горожан Тобольска на 4 разряда в соответствии с уровнем дохода, подсчитав количество семей, относящихся к каждой группе.

К третьему, самому многочисленному (60,2% всех семей), разряду относились семьи обер-офицерских чинов, мелочных торговцев, имеющих собственную лавку, ремесленников, «искусных и трезвых приказчиков», ямщиков, маслобоев, содержателей трактиров и торговых бань, отставных чиновников и вдов на пенсии, приходских священников и дьяконов. Годовые расходы хозяйств этой группы составляли от 100 до 300 руб. (см. табл. 4). В этой группе горожан расходы на питание составляют 41,1% вместе с затратами на алкоголь (6,8%). Расходы на квартиру – 12%.

Таблица 4
Семейный бюджет горожанина с годовым доходом до 300 руб. в середине XIX в.

Статья расходов	Затраты
Хлеб ржаной и пшеничный	28 руб.
Мясо и рыба	36 руб.
Соль	1 руб.
Овощи	7 руб.
Чай и сахар	15 руб.
Расходы на квартиру	25 руб.
Дрова	8 руб.
Белье	10 руб.
Одежда и обувь	35 руб.
Вода	4 руб.
Посуда	3 руб.
Вино	18 руб.
Содержание кухарки или стряпки	25 руб.
Корова и лошадь (разложив их цену при покупке на несколько лет)	4 руб. 30 коп.
Корм для скота, телега, сбруя	21 руб.
Подати	7 руб. 15 коп.
На должность	7 руб. 15 коп.
В церковь	3 руб.
На баню	1 руб. 75 коп.
Итого:	265 руб. 35 коп.

Источник: АРГО. Разряд 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 48об.-49.

Второй разряд горожан состоял из семей с достатком: семей штаб-офицерских чинов, купцов 2-й и 3-й гильдий, заводчиков. Доля семей этого разряда составляла 6,2%, а годовые расходы доходили до 1500 руб. в год. Примерный бюджет семьи этого разряда представлен в таблице 5.

Этот бюджет при некоторых изменениях можно применить как к домашнему быту высокопоставленных чиновников, так и купцов 2-й гильдии и некоторых купцов 3-й гильдии.

Составитель бюджета отмечает, что быт этих категорий населения был достаточно близок: «Нужды и потребление их почти одинаковы, одежда мужчин и наряды женщин сближаются в этом классе с европейскими. Дети учатся в одной гимназии, экипаж тот же, дрожки или сани с парной упряжью, стол и угощение однообразны и в составе, и во вкусе. Чиновник посвящает утро на службу, пока торговец занимается промыслом, вечер же проводят часто вместе – за картами в коммерческом клубе» [26, л. 50 об.].

Таблица 5

Семейный бюджет горожанина с годовым доходом около 1000 руб. в середине XIX в.

Статья расходов	Затраты
Расходы на квартиру	75 руб.
Дрова	25 руб.
Пара лошадей (разложив цену на 7 лет)	12 руб.
Корова (разложив цену на 5 лет)	2 руб.
Сена на 3 головы скота	33 руб.
Овес	26 руб.
Плата кучеру, кухарке, горничной	120 руб.
Заведение экипажа и ремонт	35 руб.
Освещение	20 руб.
Кофе, чай и сахар	60 руб.
Содержание стола и угощение	250 руб.
Одежда, обувь, белье	200 руб.
Учитель детям	60 руб.
Лечение	25 руб.
В церковь	15 руб.
Заведение мебели (разложив стоимость на несколько лет и ее ремонт)	15 руб.
Благотворительность и непредвиденные расходы	75 руб.
Итого:	1048 руб.

Источник: АРГО. Разряд 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

В данной группе доля расходов на питание ниже, чем в предыдущей, – всего 29,6%, в том числе кофе, чай и сахар составляют 19,4% всех расходов на продукты, или 5,7% всего бюджета. Расходы на жилье, отопление и освещение занимают 11,5%. Появляются у этой группы и другие виды расходов, которые не могли позволить себе более бедные: на учителя, лечение, благотворительность.

Первый, самый богатый и малочисленный (1,1%), разряд состоял из семей, в которых тратилось более 1500 руб. серебром в год. При этом источник указывал: «Можно достоверно сказать, что 5000 руб. серебром будет предел, который никто здесь не преступает и до которого достигают в своих расходах 3 или 4 дома» [26, л. 47]. К высшему разряду относились: губернатор, начальник дивизии, председатели присутственных мест, купцы 1-й и

2-й гильдий, винный откупщик, два помещика и несколько человек, получающих проценты с капитала. Например, жалование тобольского губернатора К.Ф. Энгельке, управлявшего губернией в 1845–1852 гг., вместе со столовыми исчислялось в 4559 руб. 56 коп. [19, с. 275]. Годовой бюджет богатейших семей Тобольска представлен в таблице 6.

Таблица 6

Семейный бюджет горожанина с годовым доходом около 2500 руб. в середине XIX в.

Статья расходов	Затраты
Расходы на квартиру	150 руб.
Дрова	60 руб.
3 лошади на 7 лет, в покупке 175 руб.	25 руб.
2 коровы по 10 руб. на 5 лет	4 руб.
Сена на 5 голов скота	55 руб.
Овес	65 руб.
Плата прислуге: лакею, кучеру, дворнику, повару, кухарке, горничной, няньке, прачке	320 руб.
На чай и сахар прислуге	45 руб.
Экипажи (разложив цену на 10 лет и ремонт)	45 руб.
Освещение	66 руб.
Кофе, чай и сахар	140 руб.
Припасы на кухню	400 руб.
Одежда	450 руб.
Учитель	150 руб.
Лечение	60 руб.
В церковь и бедным	50 руб.
Вино	100 руб.
Сласти	50 руб.
Увеселения	75 руб.
Непредвиденные расходы	150 руб.
Итого:	2460 руб.

Источник: АРГО. Разряд 61. Оп. 1. Д. 5. Л. 51.

Среди самого богатого слоя расходы на питание составляли 28% (без учета расходов на чай и сахар прислуге), при этом 42% от этой статьи бюджета составляли кофе, чай, сахар, алкоголь и сласти. Доля жилищных расходов в этой группе – 11,2% – также была самой низкой. Комментируя бюджет, барон фон Шеллинг отметил: «Между лицами, составляющими богатый класс, находится еще более сходства в образе жизни и обычаях, следовательно, и в расходных статьях. Бюджет составлен в 2460 руб. серебром, но если предположить, что в малом числе семейств он преступает эту границу и восходит до 5000 руб. серебром, толико его мыслимо пополнить некоторыми издержками в угождение его не нуждам уже, а прихотям роскоши... Роскошь как признак богатства может до некоторой степени служить ему мериллом, вместе с тем она свидетельствует и о степени неравенства между различными слоями общества, и потому можно

сказать, что если в Тобольске отсутствие роскоши знаменует ограничение средств, то с другой стороны она показывает, что между первой и последнюю ступенью домашнего довольства в частных хозяйствах расстояния большого не существует. Известно, что там, где нет богатых состояний, редко встречается нищета» [26, л. 51 об.-52]. Действительно, для сибиряков не было характерно выставлять свой достаток напоказ: «В Омске, кажется, роскошь и наслаждение прячутся в недрах семейств, на улицах же все пусто и тихо» [33, с. 18].

Но, конечно, как ни скудно было жалование большинства чиновников, многие горожане зарабатывали еще меньше. Рабочий на кожевенных заводах в Тюмени получал в 1870-х гг. от 8 до 11 руб. в месяц, рабочий день при этом составлял до 14 часов в сутки [27, с. 11–13].

Разница семейного бюджета рабочих и чиновников средней руки показана В.А. Скубневским на материалах Забайкалья в 1914 г. (см. табл. 7). Как видно из приведенных в таблице 7 данных, бюджет семьи рабочего составлял только 28,4% от бюджета правительственного служащего. Меньшей была разница в расходах на питание (рабочие в ущерб другим нуждам тратили более половины доходов на еду, без чего было невозможно их существование). Только 11,2% составляли расходы рабочих на квартиру от расходов чиновника. При этом, если рабочие семьи снимали углы и убогие комнаты, то средняя квартира чиновника – трехкомнатная. Велико отличие «прочих» расходов как по размерам, так и по назначению. Семья чиновника тратила деньги на услуги и вещи, недоступные для семьи даже высокооплачиваемого рабочего. Так, в «прочие» расходы в семье чиновника входили: на прислугу – 10 руб., на обучение детей и учебники – 21,3 руб., на газеты, книги, медикаменты и др. – 8,6 руб. в месяц [34, с. 151–152].

Таблица 7

Семейный бюджет рабочих и чиновников в 1914 г.

Статья расходов	Семья рабочего	Семья служащего	Соотношение, %
Питание	23,2 руб.	43,3 руб.	53,5
Одежда, обувь	8,6 руб.	25,5 руб.	34,4
Квартира	4,5 руб.	40,0 руб.	11,2
Прочее	6,0 руб.	41,0 руб.	14,4
Всего	42,4 руб.	149,8 руб.	28,4

Источник: Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991. С. 153.

Однако необходимо отметить, что представленный бюджет служащего не был характерен для большинства чиновников, значительная масса которых была низкооплачиваемой. Бюджет представляет расходы служащего, имевшего доход 1800 руб. в год, в то время как в начале XX в. более 3/4 чиновничества России получали жалованья менее 1000 руб. в год. П.А. Зайончковский отмечал, что на рубеже XIX–XX вв. материальное положение квалифицированных рабочих, в частности, печатников, «... мало чем отличалось от условий жизни мелких чиновников» [1, с. 85].

В пореформенные годы благосостояние провинциального чиновничества характеризовалось так: «большинство, и очень почтенное, чиновничьего класса составляет не что иное, как именно городской пролетариат, стоящий едва ли на более высокой степени благосостояния, чем мещанство» [35, с. 332]. В начале XX в. положение оставалось прежним: «Огромное большинство низшего чиновничества довольствуется, в большинстве случаев, таким ничтожным жалованием, на которое нет возможности просуществовать, не голодая, даже холостому человеку» [36, с. 66].

Советский дипломат И.М. Майский в своих воспоминаниях о детских годах, проведенных в Сибири – в Каинске и Омске, рассказывал о скромной жизни своей семьи (его отец был офицером – военным врачом): «Отец занимался службой... Мать хозяйничала: варила варенье, шинковала капусту, солила огурцы и внимательно изучала знаменитую в то время толстую поваренную книгу Е. Молоховец «Подарок молодым хозяйкам». Будучи от природы очень сметливой, она ухитрялась на сравнительно скромное отцовское жалование содержать семью в 7 человек... В нашей жизни не было ни малейшего намека на роскошь, но не было также и бедности. Ели мы просто, но здорово и сытно... Одевались скромно, но тепло и удобно. Сидели на грубоватых стульях и табуретках, но воздуха в комнате имели достаточно» [37, с. 37–38].

В целом можно согласиться с мнением П.А. Зайончковского о том, что «... в XIX и начале XX в. условия материальной жизни основной массы чиновничества, за исключением высшей его группы, были крайне тяжелыми» [1, с. 72].

Литература

1. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
2. Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991.
3. Морякова О.В. Провинциальное чиновничество в России второй четверти XIX века: социальный портрет, быт и нравы // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1993. №6.
4. Иванов В.А. Губернское чиновничество 50–60-х гг. XIX в. в России. Историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994.
5. Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX в. Омск, 1997.
6. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири. Новосибирск, 1998.
7. Матханова Н.П. Положение русского провинциального чиновничества в середине XIX века: закон и жизнь // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №2.
8. Маркова И.Б. Досуг сибирских чиновников первой половины XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII – начала XIX вв. Новосибирск, 1985.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. СПб., 1999.
10. Шелгунов Н.В., Шелгунова Л.П., Михайлов М.И. Воспоминания. Т. 2. М., 1967.
11. Анучин Е. Средняя жизнь и долговечность в г. Тобольске // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 год. Тобольск, 1864.
12. Гагемейстер Ю.А. Статистическое обозрение Сибири. Ч. II. СПб., 1854.
13. Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862.
14. Очерки истории города Омска. Т. 1. Омск, 1997.
15. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.
16. Миненко Н.А., Федоров С.В. Омск в панораме веков. Омск, 1999.
17. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX в. СПб., 1999.
18. ТФ ГАТюмО. Ф. 152. Оп. 36. Д. 227. Л. 54–55; Д. 618. Л. 66.
19. Сибирские и тобольские губернаторы: исторические портреты, документы. Тюмень, 2000.
20. Рубакин Н.А. Много ли в России чиновников? // Вестник Европы. 1910. №1.
21. Флоринский В.М. Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. №4–5.
22. Загоскин М.В. Иркутск и Иркутская губерния. Иркутск, 1870.
23. Живописная Россия. Т. 11. Западная Сибирь. СПб.; М., 1884.
24. Словцов И.Я. Материалы по истории и статистике Омска // Труды Акмолинского статистического комитета. Ч. 1. Омск, 1880.

ИСТОРИЯ

25. Дмитриев-Мамонов А.И. Однодневная перепись населения города Тобольска 11 апреля 1882 г. // Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884.
26. АРГО. Разряд 61. Оп. 1. Д. 5.
27. Павлов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири: Очерки и заметки. Тюмень, 1878.
28. Струве В.В. Воспоминания о Сибири. 1848–1854 г. СПб., 1889.
29. Некрылов С.А. Профессорско-преподавательский корпус Императорского Томского университета (1888 - февраль 1917 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1999.
30. История названий томских улиц. Томск, 1998.
31. Вестник Омского городского общественного управления. 1912. №13.
32. Чехов А.П. По Сибири (Путевые очерки и письма). Иркутск, 1939.
33. Белов И. Путевые заметки и впечатления по Западной Сибири. М., 1852.
34. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. – февраль 1917 г.). Томск, 1991.
35. Дитятин И. Устройство и управление городов России. Т. 2: Городское самоуправление в настоящем состоянии. Ярославль, 1877.
36. Рубакин Н.А. Россия в цифрах: Страна. Народ. Сословия. Классы. СПб., 1912.
37. Майский И.М. Воспоминания советского посла. Кн. 1: Путешествие в прошлое. М., 1964.